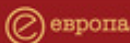

ГЕНИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ!

Глеб Павловский

ПОЛИТУЧЕБА

Э то эссе инсайдера о том, каким видится мир из Кремля. Нам все заведомо по плечу. Мы уверены, что любая цель достижима силами старой команды, все той же с 2000 года. Из года в год за нее голосует большинство. Вслед губительной катастрофе всегда подспевает спасительная. Крах 1991 года породил немисляемую Россию, бум мировых «пузырей» питает ее магическую экономику. Гениальность власти – самоощущения, которую некому поколебать в ее замкнутом мире. Династичная передача должности из рук в руки обещает, что гениальная власть вечно пребудет с нами. Создаем ли мы, что рискуем? Системы власти держатся на ошибке.

Глеб Олегович Павловский

Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2553235

Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля: Европа; М.; 2012

ISBN 978-5-9739-0207-0

Аннотация

Это эссе инсайдера о том, каким видится мир из Кремля. Нам все заведомо по плечу. Мы уверены, что любая цель достижима силами старой команды, все той же с 2000 года. Из года в год за нее голосует большинство. Вслед губительной катастрофе всегда подспевает спасительная. Крах 1991 года породил немыслимую Россию, бум мировых «пузырей» питает ее магическую экономику. Даже цунами на нашей стороне. Гениальность власти – самооценка, которую некому поколебать в ее замкнутом мире. Микшируя собственность, страх и свободу Кремль применяет скрэтч – палец диджея всегда на пластинке. Династийная передача должности из рук в руки обещает, что гениальная власть вечно пребудет с нами. Сознаем ли мы, что рискуем? Системы власти держатся на ошибке.

Содержание

МОЯ ГЕНИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ	4
БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ	10
БОЛЬШИНСТВО	14
ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Глеб Павловский

Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля

МОЯ ГЕНИАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Вместо предисловия

Надо согласиться всем со следующим постулатом: гении всегда в меньшинстве, но их деятельность делает большинство богаче. И большинство должно понять, что привилегии, которые мы даем талантливым людям...

*Владислав Сурков, первый заместитель
Руководителя Администрации президента РФ. «Гении
всегда в меньшинстве!»*

Любое выступление Владислава Суркова – акт волевой патетики, той страсти, что ведет уникальную власть сквозь мглу России в ее катастрофичное будущее. Власть видит себя уникальной, не наилучшей, конечно, зато несравненной – нам не с кем себя сравнить!

В чем великолепие российской власти? Ей все заведомо

по плечу. Мы уверены, что всякая цель достижима силами данной команды, стареющей и давно всеми нелюбимой, но все той же с 2000 года. Зато мы не старимся в личном воображении.

Считая себя ультракомпетентной, власть пренебрегает простой управленческой компетентностью. Нас попрекают тем, что мы не умеем ничего толком организовать, а мы: «Ну и что? Незачем разбираться в модернизации... есть Кремль – волшебная меленка, что смеет любую задачу!» От некомпетентности мы спасаемся в проектировании. Любой провал и даже дефект власти обращается нами в **проект** ее усиления, в экспансию на новое поле. Проекты вечны!

Наша некомпетентная СВЕРХКОМПЕТЕНТНОСТЬ – командное свойство. Команда **власти** всегда готова проявить *компетентность* в вещах, о существовании которых еще вчера не знала. Отсюда ее кадровый застой: **импровизатора** заменить некому, его опыт уникален – и, зная это, импровизатор заходит все дальше.

«А по-другому не пробовали? Давайте попробуем. Вдруг получится» ® Сурков.

Если вслед за модернизацией появится цель организовать диалог с оппозицией – Сурков договорится с Навальным и, если надо, лично пойдет митинговать на Триумфальную площадь. А вернее, кого-то наймет. Когда поставят задачу лететь на Марс, Сурков пойдет, чертыхаясь, составлять списки

экипажа, по пути решая, кого он из них вычеркнет.

Наша некомпетентная сверхкомпетентность – командное свойство. Команда власти всегда готова проявить компетентность в вещах, о существовании которых еще вчера не знала. Отсюда ее кадровый застой: импровизатора заменить некому, его опыт уникален – и, зная это, импровизатор заходит все дальше. «А по-другому не пробовали? Давайте попробуем. Вдруг получится» © Сурков.

Моя власть – изрядный смутьян. Мы алчем небывалых проектов, которые отбираем негласно случайным образом. Сама их необыкновенность требует **«смелого маневра ресурсами»** ©, поощряя растраты. Публике нечего тут подсказать. Они комментируют прошлые действия власти, нами почти позабытые. У нас в воображении уже Silicon Valley под Кунцево, у сталинской ближней дачи, а они там все никак не забудут про трупы «Норд-Оста».

Гениальность власти нам так очевидна! Сурков посмеивается: вы называете нашу модернизацию авторитарной? Бог с вами – болтайте! Общество не возбуждает нас, не доставляет нужных гормонов. Поскольку нас не заводят, мы возбуждаемся от собственных проектов. Общественные реакции сохраняют только смысл индикаторов – по ним мы угадываем, на какие еще гадости против государства готовы те, кто ест у него из рук.

Власть чувствует себя о-о-очень мудрой, бесконечно учнее всех, кто ей что-то советует. Старый-престарый Ясин,

бывший министром, еще когда о Суркове не знали в Кремле, – для нас чужак-несмышлениш. У такой власти в принципе нет партнера, нет достойного собеседника (странным исключением был Гайдар – теневой гуру любой команды в Кремле). Власть иногда навещает Общественную палату, как приют для даунов – бедняжки, какое горе! С вами здесь хорошо обращаются? Но не советоваться же нам с идиотом!

Нормальная жизнь – и вовсе не цель для власти. Мы привыкли к рутине чрезвычайных обстоятельств, к **заурядности катастроф**. Ставя задачи, мы их заостряем до провокаций: **«либо цель будет достигнута – либо России не быть!»** ©. Модернизация – еще одно имя надрыва. Объявив целью правовые институты, эту нормальную цель Медведев обосновывал как боевую. Но разве с появлением правил и институтов не меняется класс задач, где диктатуре гениев нет места? Отрыв управленческого от политического, политического – от промышленного, «провластного» – от государственного закрепил отрыв гения власти от сред, сквозь которые она движется. Результатом станет новая экспансия **социума власти**, о чем предупреждал еще Михаил Гелфтер.

Курс на модернизацию связан с реальной оценкой ситуации лишь отчасти. **«Угрожающая отсталость»** России дала новый шанс приоритету чрезвычайного, освежая мандат на любые меры. Инновационный кластер в Сколково – вот запрос на божественную творческую неистощимость, вот аллея наших побед!

Моя власть – это «Наутилус» странного гения Немо, а Россия – жуткая бездна, атакующая корпус махины, ведомой Бог весть куда... Двадцать лет непрерывно страну реформирует Кремль, скрытно подменяя курс и цели, но вечно оставаясь хранителем компаса. Центр изумительных новаций среди опасного и неблагодарного населения. Наш гений незаменим, его государственные шедевры закрепляют наше первенство.

«Власть гения, влияние великого ума... Это прекрасная власть» ©, – Юрий Олеша что-то спяну бормочет под нос, пока бредет, пошатываясь, по Поварской от ресторана ЦДЛ к Кремлю. Доктрина гениальности власти уже возвратилась из Москвы 1937-го в Москву 2011-го, став догмой политики и почти уже государственным институтом.

А с 24 сентября 2011 года гениальность имеет прямое государственное оформление – из тандема вылупилась идея команды как династийного механизма обмена талантами в правящей группе. Передача должности из рук в руки по кругу гарантирует, что и гениальная власть вечно пребудет с нами!

А с 24 сентября 2011 года *гениальность* имеет прямое ГОСУДАРСТВЕННОЕ оформление – из тандема вылупилась идея **КОМАНДЫ** как династийного механизма обмена талантами в правящей группе. Передача должности из рук в руки *по кругу* гарантирует, что и гениальная власть **вечно** пребудет с

нами!

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ

В кремлевской политике стерлось понимание бесповоротности выбора важной стратегии – остался лишь страх последствий. Страх внезапного парализует политику, поощряя ее к отсрочкам. Только в этом источник затяжек с объявлением о кандидате-2012, под конец просто анекдотичных. Пример – поведение Путина в отношении Медведева, его же выбора 2007 года. Выбор он сам рекомендовал стране, отказываясь верить в его необратимость. Путин хочет сохранять отменяемость выбора после того, как выбор сделан – так мыслят все, кто лишен понятия риска. Принимаемые Путиным решения не являются решениями по сути – это лишь временные меры, они все обратимы.

Безальтернативность означает бесполезность выбора для успешной ориентации в происходящем.

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ означает
бесполезность выбора для успешной ориентации в происходящем.

Табу на достоверную информацию – условие кредитоспособности в безальтернативном мире. Пока не знаешь, чем в точности **манипулируешь**, делаешь это легко. Если в одном из полей вырвется риск, есть чем его закрыть. **БРОСАЕШЬ** в спасаемый Банк Москвы ресурсы – растут риски там, откуда их

черпаешь. Кто за это ответит – **Кудрин? Лужков?** Наша власть глубоко эшелонирована, социально и финансово **застрахована**, но ее резервы насыщены колоссальными *рисками*. Как преступный крупье в казино, мы ставим и ставим на самих себя. Империя риска **безальтернативна** зато дефолтна.

Мы не очерчиваем политический мейнстрим и явно не скажем: вот курс, а вот – его границы. Проводники курса у нас не являются его последователями и не вправе нас поправлять. Даже Сурков – лишь дизайнер политики, визажист власти, хотя он-то готов для нее рисковать.

Со стороны конкурс дизайнеров выглядит борьбой фракций власти за будущий курс – но это не так. Участники фракций условны, а «кремлевские кланы», о которых много говорят, фракциями не являются – у них разные классы риска. Как показала судьба «лужковского клана», наши фракции состоят из перебежчиков и двойных агентов. Из питерских друзей Путина одни приватизируют легальные бизнесы международного класса, другие делят финансовые потоки. Вторгнуться в чужие финансы проще, чем приватизировать крепкий бизнес, зато риск сильнее – без силовых инструментов здесь никак. Но каким образом все это легализовать?

События повышают неясность повестки завтрашней власти в России. Путин, чувствуя неочевидность повестки, ею играет. Путин – мастер неясности, которую сам же провоцирует. В анфиладе угроз тема безопасности нарастает; от лич-

ной безопасности Путина в системе, им созданной, – к безопасности кадров, двинутых им во власть, – к социальной безопасности миллионов, застрахованных только **бюджетным местом** в системе **без альтернатив**.

Эта система полна издержек из-за расходов на кормление элит. Она подвержена риску политического дефолта, вероятность которого – в скрытых издержках. Но все заинтересованы в том, чтобы скрыть ее слабости от себя – узнав лишнее, мы испугаемся и обесценим свой безальтернативный полис.

Табу на достоверную информацию – условие кредитоспособности в **безальтернативном** мире. Пока не знаешь, чем в точности манипулируешь, делаешь это легко. Если в одном из полей вырвется риск, есть чем его закрыть. Бросаем в спасаемый Банк Москвы ресурсы – растут риски там, откуда их черпаешь. Кто за это ответит – Кудрин? Лужков? Наша власть глубоко эшелонирована, социально и финансово застрахована, но ее резервы насыщены колоссальными рисками. Как преступный крупье в казино, мы ставим и ставим на самих себя. Империя риска **безальтернативна**, зато дефолтна.

Все восемь лет президентства Путина власть копила ресурсы и опасно выглядывала из окопа – а дела в общем шли хорошо. Годы преуспевания проложили триумфальную колею. Теперь мы в ее плену. Все ждут новых побед, а мы втайне обмираем от ужаса, наращивая ставки в игре. Знать бы, на чьи играем.

Мы давно отказались от оценки альтернатив в обмен на комфорт быстрого реагирования. Если конъюнктура обманет, мы не сумеем сманеврировать. А вокруг России рушится геополитический вал – американское Ближневосточье стало базой революций, французы потрошат Ливию, как плохие дети, рвущие крылья мухе, чтоб отдать пауку.

В мире случайного **безальтернативности** не с чем спорить, и она становится бесполезной. Нам надо еще раз угадать верный ответ, иными словами, повторно обыграть всемирное казино. Старое, давно закрытое казино 2000 года.

БОЛЬШИНСТВО

Консенсус и всемогущая воля

Говорят, в России нет инноваций. Но одна есть – это сама суверенная Россия, которую однажды провозгласили, а Владимир Путин реализовал. Режим Владимира Путина – трудный вопрос политической теории. И когда функционер режима Владислав Сурков определил его доктрину как **суверенную демократию**, он не сорвал европейских аплодисментов. Нам не повезло. Россия вышла на мировую сцену в момент, когда мир потерял весомую причину к нам прислушиваться, а именно Советский Союз. Россия тоже проспала европейский праздник единства: эйфорию 1989 года здесь не заметили. В Москве Евросоюз вытеснила другая сенсация – Российская Федерация.

Гипотеза суверенной России материализовалась вне связи с происходящим в Европе. Мы принимаем демократию как синоним национального суверенитета, но не наоборот.

Лозунг демократии не породил нас с Европой, а лозунг суверенитета ее насторожил. Обычная европейская ошибка – упрощать стратегию Кремля, сводя к попыткам спасти монополию. Но система ищет защиты и от (памятных ей)

безумств большинства, и от аппаратного идиотизма власти. Недоверие команды Кремля к собственному аппарату – важный мотив интереса к демократическим практикам. Демократию здесь ценят как партизанскую тактику, используемую властью для просачивания в собственный аппарат. Но теперь демократия превратилась в новую трудность для власти – зависимость от провластного большинства.

Использование БОЛЬШИНСТВА в России

Задолго до новой России, в позднем СССР, «прогрессивное народное большинство» официально считалось чем-то данным. Обоснованием советской системы было **«все-народное»** или, как говорили, **«подавляющее большинство»**. (Выражение **«подавляющее большинство»** в СССР почему-то считали позитивным, а не репрессивным термином!)

Едва это **большинство** собралось вокруг Горбачева, его тут же объявили безальтернативным. «Перестройке нет альтернативы!», «Иное не дано!» – популярные лозунги демократов тех дней. Принцип: власть действует, а большинство ее поддерживает, реализуя волю лишь символически, через лидера. Призраком демократического движения конца 1980-х стал консенсус. В подоплеке этой утопии легко угадывается советское **«подавляющее большинство»**. Всенародный консенсус рассматривался Горбачевым и как основа легитимно-

сти его решений, и как место для массы в политике.

СССР рухнул, утопия консенсуса досталась в наследство России. Борис Ельцин короновался именем того же всенародного **большинства**. Он верил в демократию, но мыслил горбачевским «**консенсусом**» – **большинством, которое не нужно подсчитывать. Президент правит Россией волей консенсуса – вот ранний первоисток политики большинства.**

Гипотеза суверенной России материализовалась вне связи с **ПРОИСХОДЯЩИМ** в Европе. Мы принимаем демократию как синоним национального *суверенитета*, но не наоборот.

БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ, поначалу бывшую лишь проекцией высокого *рейтинга*, поддержали сознательно, превратив в *принцип* власти. Замеры рейтингов путинского **БОЛЬШИНСТВА** между выборами приобрели стиль плебисцита.

И желанное большинство явилось в виде электорального чуда 2000 года – народной поддержки Путина. Оно материализовалось как лидерское вокруг Путина и как прогосударственное вокруг власти. Сродни советскому «подавляющему большинству», оно отклоняло любую альтернативу велико-лепному Путину.

Безальтернативность, поначалу бывшую лишь проекцией высокого рейтинга, поддержали сознательно, превратив в принцип власти. Замеры рейтингов путинского **большин-**

ства между выборами приобрели стиль плебисцита.

Безальтернативное **большинство** измеряется рейтингом доверия президенту, а динамика его рейтинга 10 лет выглядела почти ровной линией. Картина слабо изменилась и теперь, когда у тандема два лица. Оба они теперь падают в популярности, но они падают вместе.

Тающий ледник большинства высится в центре ландшафта российской демократии. Власть не порвала связи с выборностью, превратив выборы в пролонгацию статус-кво без альтернатив. История Владимира Путина – это история обретенного большинства. Обретенного навсегда?

Безвольное БОЛЬШИНСТВО

Российский политический класс не забудет, как советское «подавляющее **большинство**» вдруг отвергло СССР. Является ли «путинско-медведевское» большинство опорой для государственной воли? Вопрос не имеет ясных ответов «да» или «нет». Оттого мы обсуждаем проблему единства России как вечный политтехнологический коан. Российское государство остается само для себя под вопросом. Консенсус в отношении новой России достигнут, но правящая команда-модератор в этом сомневается.

В прошлом любая экстремальная задача решалась силами команды, собранной *ad hoc*, и последняя из таких команд, наша, десять лет правит Россией. Ее **пароль – во-**

левой форсаж невозможного – различим в речах таких разных людей, как Владислав Сурков, Анатолий Чубайс и Владимир Путин (**«нам все говорили – невозможно, провалитесь! – а мы взяли и сделали!»** ©). Естественно думать, что и в будущем любая задача разрешима так же – ведь гении остаются в Кремле, раз большинство безвольно.

Медведев хотел создания правовых институтов, где **воины креатива** © смогут осесть в государстве. Но яд уникальности отравляет командный мозг. Наступила интоксикация – избранник случая взглянул в зеркало и увидел там гения. Здесь и проблема глобального будущего демократии.

Проблема **создания стратегического центра воли, способного проводить курс среди пассивного большинства при катастрофических условиях** (а иных условий демократия здесь и не знала).

Опыт русской «демократии катастроф» будет важен для неопределенного мира, даже если закончится катастрофой и его **большинство** рассеется.

*Проблема создания стратегического центра воли, способного проводить курс среди пассивного большинства при **КАТАСТРОФИЧНЫХ** условиях (а иных условий демократия здесь и не знала).*

ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ

Страна создала необычную линию защиты от управления собственными делами – производную, именуемую **вертикаль власти**. Термин появился как временный лозунг в ответ на жалобы на хаос во власти.

Теперь вертикаль власти рассматривают как институт управления, принимают всерьез, адресуя ей жалобы или проклятья. Под именем вертикали действует оригинальная и надежная система скупки-кредитования управляющих групп для работы по федеральным заданиям.

Что не удалось ни Ельцину в 1990-х, ни Горбачеву в 1980-х – местные управленцы ушли из-под контроля центра в последние годы СССР, – в нулевых удалось нам. Мы их дисциплинировали-за счет чего?

Теперь **вертикаль власти** рассматривают как институт *управления*, принимают всерьез, адресуя ей жалобы или проклятья. Под **именем** вертикали действует оригинальная и надежная система **скупки-кредитования** управляющих групп для работы по федеральным заданиям.

Центр *кредитует* местных УПРАВЛЕНЦЕВ

Наша команда с 2000 года овладевала страной с легкостью, не меняя прежнего менеджмента. Суверенитет восстанавливали, отказываясь управлять. Вербовка регионалов федеральным центром шла на четких условиях: играете по своим правилам, но в московский футбол. Повестка устанавливается центром, но тот не вмешивается в местные технологии власти. Директивы сверху – «этого не избирать, а того избрать», «такой-то процент для такой-то партии» – проводите средствами, какие есть на местах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.